

УДК [821.161.1-1]"19"+929Тряпкин

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МИР В ПОЭЗИИ НИКОЛАЯ ТРЯПКИНА

В. А. Редькин

Тверской государственный университет
кафедра филологических основ издательского дела и документоведения

Художественный мир Н. И. Тряпкина рассматривается в аксиологическом, онтологическом, социокультурном, эстетическом аспектах; показывается укоренённость тряпкинской поэзии в традициях русской классической литературы; доминантой художественного мира Н. И. Тряпкина признаётся национальное, православное начало.

Ключевые слова: *русская поэзия XX века, философская лирика, традиция, национальный мир, духовный реализм, Н. И. Тряпкин*

Стихи Николая Тряпкина – как глоток живой родниковой воды в жаркий летний полдень, как чарка хмельной и согревающей браги в лютый мороз. Читая их, испытываешь подлинное наслаждение, каждая строка, каждое слово, каждый звук задевают струны сердца, настроенного на волну русской национальной культуры. Поразительна глубина его текстов. Это вершина русской поэзии XX века, гордость тверской земли, которая вскормила и вспоила поэта. В художественном мире Тряпкина сплелись образы, навеянные впечатлениями детства, быта и природы Верхневолжья и Русского Севера, где бережно сохранялись национальные традиции, память об историческом прошлом.

По словам В. В. Кожина, стихи Николая Тряпкина, которого он считал наряду с Юрием Кузнецовым самым значительным русским поэтом конца XX века, предстают «как откровение, как познание «тайны» [5, с. 50]. К постижению тайны бытия стремились и русские писатели-классики, и русские философы. Да и мифы человечества – это всё та же тяга к истине. В русле этих традиций, которые сочетают интуитивно возникающий образ и страстный поиск разума, усиленные катализатором чувства, и лежит творчество Николая Тряпкина.

Классики русской литературы XIX–XX веков стремились к постижению мира и человека в нём во всей их многомерности, объёмности и противоречивости. В их творчестве бытие предстаёт в метафизической реальности, отвергается узкоклассовый подход к истории, утверждается нравственная истина, понимание человека не как средства, а как цели истории. Вряд ли можно согласиться с мнением В. С. Камышана, который считает, что Н. И. Тряпкин обращается к традиции русской поэзии «преимущественно XX века и лишь в отдельных “местах” века XIX» [3, с. 67]. Укоренённость его поэзии более глубокая. С. Ю. Николаева, например, находит в его стихах реминисценции из «Слова о Законе и Благодати» митрополита Ила-

риона, «Четых-Миней», «Повести о бражнике», «Жития» протопопа Аввакума и множество переключек со «Словом о полку Игореве» [6, с. 114–115]. Творчество Николая Тряпкина лежит в русле великой национальной традиции, идущей из глубины веков. Именно поэтому его поэтическое наследие нельзя свести к понятиям «тихая лирика» или «деревенская поэзия».

Основой анализа смысла его поэзии должен стать аксиологический аспект. Важнейшими категориями при этом становятся такие понятия, как совесть, сострадание, стыд, вина, боль, память, добро, справедливость, свобода, гармония и дисгармония мира. Для постижения идейно-художественного произведения важны не только и не столько тип творчества, тематика и проблематика, сколько система ценностей, особенности мировосприятия. В этом смысле творчество Н. И. Тряпкина едино, хотя, по мере приобретения автором нового социального и духовного опыта, оно, безусловно, развивалось. Происходило углубление миропонимания, совершенствование образной системы. Основа единства художественного мира Тряпкина не только окружающий природный мир, в который он вслушивается и всматривается, но и внутренний мир, сердце поэта. *«И в сердце – из детства, из дальней разлуки – // Я слышу всё те же знакомые звуки»,* – признаётся поэт в стихотворении «Лесная жалейка, знакомые звуки...» [10, с. 7].

В 1940-е гг. поэт развивал традиционный мотив единства природного и социального миров, единство труженицы-природы и труженика-человека, солнца, несущего человечеству свет и тепло, и советского солдата, в ратном подвиге победившего фашизм. Приближение весны он видит *«...в ремонтной колхозной неделе, // В прямом запахе новых телег»,* в том, что *«трактора заключают с грачами // Договор на рабочий сезон»,* а *«солнце, как шлем Сталинграда, // Над великой рекою встаёт»* («Пусть метель засыпает ложбины...» [10, с. 9–10]). Природа, как это было в фольклоре и древнерусской литературе, сочувствует и сопереживает русскому воинству: *«То по ночам в седые травы // Сочится раною звезда»* [10, с. 11]. Поэт советской эпохи утверждал единство национального мира с включением в него мифологии древних славян, русского фольклора, христианства и реалий современности: *«Здесь прадед Святогор в скрижалях не стареет, // Зато и сам Христос не спорит с новизной. // И на лепных печях, ровесницах Коцея, // Колхозный календарь читает домовой»* [11, с. 17].

В стихотворении «Старый погост» он подчёркивает единство поколений в борьбе с врагом. Лирический герой предстаёт одиноким древнерусским всадником, что скачет под луной во времени и пространстве («Лунный час»). И это мироощущение буквально пронизывает всё творчество Тряпкина:

Как сегодня над степью донецкой
Снова свист-пересвист молодецкий.

Голосят трубачи по излогам,
Завивается пыль по дорогам.

А по ним да во мгле полудённой –
То ли старый Богун, то ль Будённый,

То ли вижу – с холма непростого
Замаячил дозор Годунова [7, с. 56].

Николай Тряпкин наделён талантом поэта-реалиста с эпическим типом мышления. Его боль, его забота – деревня, которую он считает хранительницей национальной духовности. Впрочем, он никогда не идеализировал народ, прекрасно видя негативные стороны национального русского характера. Его «чистый и напевный голос», «светлое узорчье словаря» высоко оценила критика. Он опирается в образной системе на поэтику лирической народной песни, мотивы народной сказки, живое разговорное народное слово. Он одухотворяет окружающий мир, природу, крестьянский труд и деревенский быт, прорываясь в лучших стихах к вечным вопросам бытия. На философский уровень познания действительности он выходит в таких произведениях, как «Лозняком, да выгоном, да лугом...» «Пожалею забытую зорьку мою...», «Дай мне, земля, в эти громкие годы...», «Завещание». При этом он опирается на традиции русской поэтической классики, подчас используя интертекстуальность. Так, эпитафия в стихотворении Н. И. Тряпкина «Просёлки», «Колокольчики мои, цветики степные» (слова А. К. Толстого), создаёт определённое настроение и музыкальный тон. В творчестве Н. И. Тряпкина проявилась тенденция усиления национальных акцентов в поэзии, характерная не только для литературы периода Великой Отечественной войны, но и для мощного крыла русской поэзии 1960–1990-х гг. от А. Т. Твардовского, Н. И. Рыленкова, А. Я. Яшина до Н. М. Рубцова, Ю. П. Кузнецова, А. К. Передреева, Б. Т. Примерова, А. Т. Прасолова. Николай Тряпкин широко обращается к национальному быту. Предметы русского обихода, интерьер крестьянской избы, национальные обычаи представлены в его стихах на протяжении всей творческой жизни. При этом образ современного быта накладывается на существовавший издревле:

И пронзает холсты белёные
Искромётною трелью нить...
У тебя изба расхвалёная,
Так позволь ещё расхвалить.

Дай под грядочку встать брусовую
И сей круг положить навек:
Чтобы в сени твои кленовые
Не врывались ни дождь, ни снег [7, с. 52].

Для поэтов, уходящих корнями в деревенскую почву, характерно особое внимание к устному народному творчеству, широкое использование как эпических жанров – былины, сказки, легенды, так и лирических, песенных. Особенно ярко это проявилось в стихах Н. И. Тряпкина. Сказочные образы появляются у него прежде всего там, где речь идёт о детстве, о природе, о славянской древности:

Сосновые своды, глухие проходы...
Я слушаю тайную флейту природы.
Иду через дрёмы, очнуться не смея.
К прогалинам детства, в страну Берендея,
На красные горы, в певучие боры... [8, с. 56].

В стихах этого поэта «с руки Ивана по сосновой улице прямой» прямо к Марье «покатился перстень золотой», а «на лепных печах, ровесницах Коцея, колхозный календарь читает домовый» [11, с. 17]. «Бей же в солнце, Ярило, // Огневою клюкой!» – призывает он в стихотворении «Эй, славяне, славяне!» [8, с. 85], вводя в текст образы древнерусского язычества, воспринятые через призму фольклора. Тряпкин широко использует фольклорные приёмы композиции, например, отрицательный параллелизм: «Ой, не лебедь белокрылый, // Не дунайская вода, // Мимо окон ходит милый, // Починяет провода» [7, с. 39] или «То не купчики удалые, // То извозчики молодые...» [7, с. 60]. Тряпкин поддерживает былинный мотив о том, что богатырь и защитник Отечества черпает силы в родной земле. Это главная мысль стихотворения «Исцеление Муромца»: «Исходили вы тыщи привольных путей // По Руси и по Чуди. // Мне бы чуточку пыли от ваших лаптей, // Разлюбезные люди» [7, с. 199].

В. В. Кожин подчёркивал, что Тряпкин «настолько органически укоренён в народной эстетической традиции, что может петь безоглядно» [4, с. 8]. Действительно, Николай Тряпкин не декламировал, а напевал свои стихи. Это было связано с тем, что он заикался при волнении. Но, по сути, песенное начало органично присуще всему его творчеству. Жанр «Песни» – один из ведущих в поэзии Н. И. Тряпкина. Широко известны такие его песни, как «Летела гагара», «А на улице снег», «Ходит ветер в чистом поле», «Ягодиночка», «Белая ночь» и др. Сам Н. И. Тряпкин признавался, что народная песня вошла в его творческое сознание с раннего детства: «Я возрос под самым многоцветным // И под самым песенным крылом» [9, с. 344]. Поэт даёт своим стихотворениям характерные названия: «Запев», «Подражание песне», «Песнь о зимнем очаге», «Песнь белой тундры», «Песнь о хлебе», «Песнь о зимнем лесе», «Песнь о великом нересте», «Майская песенка», «Песня», «Песни мои...», «Извечная песня», «Песенка Ивана Заблудшего», «Песня про Ваньку-водовоза», «Песня о казачьей дивизии 1943 года», «Песня о безногом солдате», «Песнь о великом походе», «Вербная песня», «Песнь песней» и т.д. Лирический герой стихотворений Тряпкина – певец, песельник, скоморох, он поёт свои стихотворения-песни: «Запеваю первую, начальную, // Самую любимую пою» [7, с. 27]. Поэт воспевает родной край, скромную, неброскую прелесть средней полосы России: «Рожь ты волнистая, рожь ты густая, // Поле широкое, небо высокое, // Рожь да пахучий кусок молочая, // Рожь да берёзки, да синь с поволокою» [8, с. 31].

Широко представлены в творчестве Тряпкина мотивы любовных песен: прощание, разлука, воспоминание о прошлой любви, обручение и свадьба, сердечные чувства к матери, отцу, деду, ребёнку и т.д. У поэта встречаются

ся и мотивы семейно-бытовых, рекрутских, разбойничьих, шуточных народных песен. Он использует композиционные приёмы фольклора: монолог, диалог, параллелизмы, рефрен, повторы и т.д.: «*Сеял рожь на счастье кто-то, // Сеял рожь. // Уродилась у кого-то // Лебеда. // У кого-то, у кого-то // Дёгтем вымажут ворота – // И от жизни у кого-то // Ни следа*» [7, с. 125].

Вначале духовная традиция православной веры входит в стих Тряпкина на уровне образа, сравнения, метафоры, когда русская печь ассоциируется с алтарём, его жилище со скитом, а сон становится благословенным. Но хотя, обращаясь к своей молодости, поэт признавался: «Надеждами подетски очудачусь, // Неверием измучаю себя» [10, с. 23], с самого начала стержнем системы нравственных ценностей в его творчестве являлось духовно-религиозное начало, основанное на традиционном русском православии с его милосердием, состраданием, соборностью, стремлением к справедливости и полным неприятием гордыни, индивидуализма, насилия. Древние языческие образы им используются как художественное средство, подчёркивающее укоренённость национального мира, а христианство становится основой его концепции мира и человека. Это, прежде всего, проявляется в явном неприятии классового подхода к оценке исторических событий и собственно человека. Не случайно он многие стихи посвятил воспеванию русского казачества, сословию, к которому власть относилась довольно настороженно. И когда он создаёт песнь о Стеньке Разине, то почти уравнивает образы атамана и царя:

Ворожит себе царь на Москве в терему:
Ко добру ль смотрит ворон в окошко к нему?

То ли царь сыпанёт по казацкой башке?
То ль царя поведут на донском кушаке? [10, с. 22].

Поэзия Тряпкина основана на фольклорной традиции, а нравственные оценки русских народных песен, как и фольклора в целом, вопреки концепции некоторых фольклористов советского времени, вполне соответствовали христианской аксиологии. Так, в «Чёрной балладе» со всей силой своего поэтического таланта поэт осуждает внутрисемейные распри и убийства. В советской революционно-романтической традиции семейные разломы поэтизировались. В народном сознании убийство собственной матери – величайший грех.

В отличие от идеологической установки тех советских поэтов, кто ориентировался на коммунистические идеалы, Тряпкин чувствует ответственность не перед будущими поколениями, а перед своими дедами и прадедами. «Коренной русский быт, коренное русское слово, коренные русские люди» [7, с. 469] – именно они дали лирическому герою ценностные ориентиры, именно под их влиянием «сердце очищается и становится певучим [7, с. 469]. С точки зрения поэта голос крови поможет преодолеть дремоту современного национального сознания и вернуться к традиционным духовным ценностям, вере предков, которую символизирует колокольный звон:

Хорошо там у вас, в замостье,
Постоять на глухом погосте
И с кустом бузины дремучей
 Погрузиться в покой времён!
И услышу я голос крови
И пройдёт он, как ветер, в слове;
И проснётся в моей дремоте
 Тот забытый вечерний звон... [7, с. 60–61].

Поэт прямо заявляет: *«Я свято чту фамильное родство // И души предков грею у печурки...»* [7, с. 127]. В стихотворении «А на улице снег...» образ лирического героя сближается с образом монаха отшельника, летописца: *«А в душе моей свет. А врази мои – прочь. // И тоска моя – прочь, прочь. // Загорается дух. Занимается дых // (А на улице – снег, снег) // Только шорох страниц. Да свечи этой вспых. // (А за окнами – снег, снег)»* [7, с. 62].

В стихотворении «Кто с нами?» поэт не только призывает к соборному единству, но и выстраивает программу действий и ценностный ряд. Это вешний плуг (труд), ясное солнце (свет), босиком по рыхлой земельке (неразрывная связь с землёй), вольная песня (песня – душа народа), русское слово (национальное начало), сев на пашне, добрая слава [7, с. 58]. Каждый образ этого стихотворения символичен. По большому счёту, Тряпкин исповедовал подлинно христианскую систему ценностей. В Новом Завете утверждается мысль, что на зло нельзя отвечать злом. В православной традиции Георгий Победоносец поражает дракона не мстительно и жестоко, а бесстрашно, с просветлённым ликом и молитвой в душе. Кто не следует этому принципу, тот умножает в мире несправедливость и насилие. В поэзии Тряпкина нет мотива мести. Она полна добра и света.

В 1960-е гг. Тряпкин создал замечательные стихи об освоении человеком космоса «Мелодия высотных пустынь» и «Где-то есть космодромы...» Характерно, что и здесь он укореняет образную систему произведений в национальной традиции, сравнивая космические корабли с храмами, с грозными стрелами *«из дыма и звука, // Что спускаются кем-то с какого-то лука...»* [7, с. 360].

Образы, связанные со звёздным миром, вселенной, космосом, буквально пронизывают стихи поэта, приобретая особый философский смысл. По мнению С. Ю. Николаевой, наиболее часто повторяется в стихах Тряпкина образ Млечного пути: «Он очень широко варьируется, порождает большое количество мотивов, в результате возникает интереснейший мотивный комплекс. Какой-либо вариант – причём каждый раз новый, неожиданный и яркий – присутствует едва ли не в каждом стихотворении. Это Млечный путь, Млечная река, Млечная галактика, Млечная арка, Млечная перекладина, Звёздная перекладина, Хребтина поднебесная, Млечный кряж, Млечный мост, Млечный пояс, Млечное кольцо, Млечная корона, Млечная бездна, Млечный туман, Млечный ковыль, Млечные пилоты, Вселенские снасти, Вселенский ветряк, Вселенская пыль, Звёздная сыпь,

Звёздный пух, Звёздный дуб, Звёздный Камин, Звёздный Ковш, Звёздный Олень, Звёздный набат, Звёздное Время, Звёздный ход, Ветер Мироздания» [6, с. 109]. Исследователь подчёркивает, что в мировой мифологии Млечный путь считается осью мира, наряду с мировым деревом. Космизм Тряпкина носит не самодовлеющий характер, а укоренён в мифологии и библейской традиции, связан с идеей Божественного сотворения мира [6].

Раскрывая национальное самосознание русского народа, Тряпкин уже в 1970-е гг. воплощал христианское миропредставление. Это проявлялось и в стихах, связанных с детскими воспоминаниями, и в разработке темы Великой Отечественной войны, и в стихах о народном быте, и в произведениях о России. В «рассказе о том, как у нас в деревне справляли вербную» поэт свидетельствует, что народ не видел противоречия между традиционной верой и тем положительным, что дала ему советская власть: *«Мы все в ладах с советской властью, // Но любим вербную свою»*. И далее рисует вполне мирную картину:

И ходит поп, дымит кадилом,
Поет весенние хвалы.
И машет вербное кропило
На наши лица и столы [8, с. 119].

В годы войны, когда в чёрном небе «проплывал чернокрылый патруль», было не только традиционное русское богатырство, но была и молитва в душе. *«И пред ликом Бориса и Глеба // На колени бросалась земля»*, – утверждает поэт в стихотворении *«Где-то звонко стучали зенитки...»* [8, с. 216]. В его стихах *«Сколько трав под чужими подковами...»*, *«Элегия старому пепелищу»*, *«Стансы»* возникает образ родины страдающей, *«прикрытой гарью»*, *«в запредельной пурге»*, с долей – *«змеёй подкольной»*, с *«провалами чёрных темниц»* [8, с. 208]. В годы застоя он всем сердцем ощущал, что Русь стоит на краю пропасти:

И вновь мы царства сокрушаем,
И снова пашем целину –
И всё ж стоим над тем же краем,
У той же горести в плену... [8, с. 208].

И только глубокие корни героического прошлого и традиционной духовности дают поэту надежду на национальное возрождение. Так, в стихотворении *«Горячая полночь! Зацветшая рожь!..»* возникает образ могучего дуба, сок-молоко которого, как живая вода, возродит не только русский, но и другие духовно близкие народы, и *«вызреет в мире громовая рожь»*, *«умножатся роды, прибавится сил, // Засветятся камни у древних могил»* [7, с. 74]. Николай Тряпкин создаёт библейский цикл стихов, где далёкие легендарные времена явно сопрягаются с современностью. В стихотворении *«Стенания у развалин Сиона»* он подчёркивает трагизм судьбы народа, погрязшего в грехах, отступившего от Божьих Заповедей: *«Исполнился гнев, позвучавший из Божьего Лона, // И чёрные совы кричат на воротах Сиона, // И чёрные змеи ползут из Священной криницы, // И скачут по го-*

роду волки, хорьки и лисицы» [7, с. 395]. Опираясь на Псалтырь, поэт от имени Бога проклинает гонителей Христа.

В стихотворении «Мать» тоже возникают образы распятого Христа и Божьей матери, при этом образы Матери-Богородицы и Матери-Родины сливаются воедино в безмерном, невыносимом страдании. Но здесь возникает не только мотив материнских терзаний о безвинно распятом и обречённом на мучения сыне, но и сыновних страданий за безвинно распятую мать-Россию. Её сыном ощущает себя поэт, как и близкий ему по духу читатель: *«Она молчит, возревши к небу звездному // В страде своей. // И только сын глотает кровь железную // С её звездой»* [7, с. 410]. Возникают ассоциации страданий русского человека, оказавшегося в одиночестве в своём горе, со страданиями Христа: *«А он кричал с высокого распялица – // Почти один»* [7, с. 409].

Подчас поэтом овладевают отчаяние и сомнения, и всё-таки именно вера помогает Николаю Тряпкину не пасть духом, сохранить надежду на возрождение России, победу света над тьмой, добра над злом. В стихотворении «Свет ты мой робкий, таинственный свет!» понятие света, несомненно, религиозно-философское. Таинственный свет ассоциируется с Божественным началом, свет в библейском понимании – это Христос. Именно поэтому поэт обращается к нему с молитвой: *«Равны права у небес и земли. // Жёлтые блики на сердце легли. <...> // Молча стою у закатного дня... // Свет ты мой тихий! Ты слышишь меня?»* [7, с. 220–221].

В стихотворении «Гласом царя Давида» голос лирического героя сливается с голосом ветхозаветного псалмопевца, обращённого к Богу. При этом поэт развивает прежде всего мотивы, свойственные Новому Завету: покаяния, воскресения, неприятия лицемерия и фальши. Тем более всё это отражало реальную историю России XX века с её отказом от божьих заповедей (*«И растоптал твои скрижали, // И надругался над тобой»* [7, с. 402]) и подчас ханжеском, конъюнктурном возвращении к вере (*«И столько всяческих паскудин // Уже рванулось в твой предел!»* [7, с. 402]). Ханжество поэт бичует и страстной речью старовера в стихотворении «Савелий Пижемский»: *«О, лукавое племя святош! // За молитвою снох перелаят в соломе, // За свечою – убьют ни за грош»* [7, с. 300].

Мотив покаяния – один из сквозных в лирике Н. И. Тряпкина. Он – выразитель чувств своего поколения, которое должно почувствовать вину и перед русским полем, и перед всей русской землёй, и перед всем Божьим миром. *«И стою как преступник // Перед гласом земли»,* – заявляет поэт в стихотворении «За поля яровые» [7, с. 111]. Оправданием может служить только правдивое поэтическое слово, обращённое опять-таки к свету: *«И слова, что лежали // Да под камнем глухим, // Подниму как скрижали, // Перед светом твоим»* [7, с. 112].

В своих произведениях Тряпкин не искажает, не идеализирует и не модернизирует трагическую историю XX века, показывая, как власти рушили веками накопленные духовные и нравственные ценности, подчас ру-

ками обманутого народа. Исторические оценки Тряпкина не носят сиюминутный, конъюнктурный характер. Бессмысленно осуждать сталинскую эпоху с её жестокостью и невзгодами. С точки зрения поэта, она заслуживает иного подхода и глубинного осмысления: *«Эти годы ждут своих шекспиров, – // Где нам совладать!»* [7, с. 296]. Урок истории должен быть в духе христианской нравственности: *«Мы только будем чуть добрее // И дальновидней, может быть, // Чтобы под своды Мавзолея // Гробов обидных не вносить...»* [7, с. 294–295]. И заканчивает он краткий экскурс в недавнюю историю в своих «Стансах» вновь всё примиряющим образом света, света надежды: *«Но всё проходит. И над Русью // За светом новый вспыхнет свет...»* [7, с. 295].

Поэт обращается к образам святых Бориса и Глеба именно потому, что они символизируют в православной церкви страдание и прощение. Перед их ликом и следует каяться всем нам. Концепт христианского прощения с потрясающей силой воплощён Тряпкиным и в цитированном выше стихотворении «Мать», где образ распятой и истекающей кровью Святой Руси восходит к образу распятого Христа, а страдания сына своего отечества сравнимы со страданиями Пресвятой Богородицы. Но мать нашла в себе силы простить. Поэт уверен, что этому же должен последовать и сын.

Русской ментальности свойствен теоцентризм. Мучительные сомнения, богоборчество, вызов высшим силам – всё это не что иное, как выражение внутреннего протеста против несовершенства падшего мира. Вера в Бога, в существование иного мира опирается на живой религиозный опыт. С. Н. Булгаков считал, что у человека существует особый орган «религиозного ведения» и подчёркивал: «Кто не хочет принять здесь единственно простой и естественной (но почему-либо для него метафизически недопустимой) гипотезы религиозного реализма, тот должен противопоставить ей теорию массовых галлюцинаций и иллюзий или же... “выдумки жрецов!”» [2, с. 19]. По его словам, в религиозном переживании дано «непосредственное касание мирам иным, ощущение высшей божественной реальности» [2, с. 19]. Другими словами, для человека верующего инобытие, духовная ипостась бытия не менее, а более реальна, чем видимая нам физическая материя, природный и социальный миры. Всё это характерно для творчества Николая Тряпкина. Постепенно он приходит к духовному реализму, в основе которого лежит представление о существовании, кроме физической реальности видимого мира, – мира горнего. Поэт прямо декларирует: «Святой Боже! Все мы люди твоя» [7, с. 124].

Лучше, чем Юрий Кузнецов, о Николае Тряпкине не скажешь: *«Свои песни он спел до конца // И успел заикнуться о многом... // Больше нет у России певца, // Но поёт его тень перед Богом!»* [1, с. 6].

Список литературы

1. Бондаренко, В. Николай Тряпкин. Некролог [Текст] / В. Бондаренко // Москва. – 1999. – № 3. – С. 5–6.

2. Булгаков, С. Н. Свет не вечерний: Созерцания и умозрения [Текст] / С. Н. Булгаков. – М. : Республика, 1994. – 415 с.
3. Камышан, В. С. Строй и лад. Юрий Кузнецов и Николай Тряпкин [Текст] / В. С. Камышан // *Неизбывный Вертоград : альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина*. – М. : НИЦ «Академика», 2010. – С. 57–72.
4. Кожинов, В. В. Вольность поэта [Текст] / В. В. Кожинов // Тряпкин Н. И. *Избранное*. – М. : Современник, 1980. – С. 3–9.
5. Кожинов, В. В. Статьи о современной литературе [Текст] / В. В. Кожинов. – М. : Современник, 1982. – 303 с.
6. Николаева, С. Ю. Концепция мира в поэзии Николая Тряпкина [Текст] / С. Ю. Николаева // *Неизбывный Вертоград : альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина*. – М. : НИЦ «Академика», 2010. – С. 108–117.
7. Тряпкин, Н. И. Горящий Водолей [Текст] / Н. И. Тряпкин. – М. : Молодая гвардия, 2003. – 496 с.
8. Тряпкин, Н. И. Заповедь [Текст] / Н. И. Тряпкин. – М. : Современник, 1976. – 256 с.
9. Тряпкин, Н. И. *Избранное* [Текст] / Н. И. Тряпкин. – М. : Современник, 1980. – 268 с.
10. Тряпкин, Н. И. Стихотворения [Текст] / Н. И. Тряпкин. – М. : Советская Россия, 1977. – 384 с.
11. Тряпкин, Н. И. Стихотворения [Текст] / Н. И. Тряпкин. – М. : Детская литература, 1983. – 190 с.

NATIONAL WORLD IN THE POETRY OF NICKOLAY TRYAPKIN

V. A. Redkin

Tver State University

Department of the philological foundations of publishing and documentation

The artistic world of Nickolay Tryapkin is considered in axiological, ontological, socio-cultural, aesthetic aspects, appears that the roots of the tryapkin's poetry is in the traditions of Russian classical literature, the domination in the N. Tryapkin's art world is national orthodox beginning.

Keywords: *Russian poetry of the XX century, philosophical lyrics, tradition, national peace, spiritual realism, Nickolay Tryapkin*

Об авторах:

РЕДЬКИН Валерий Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологических основ издательского дела и документообращения Тверского государственного университета, e-mail: foidid-red@rambler.ru, 170100, Тверь, ул. Желябова, 33.